

26652

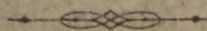
~~21394~~

ХРИСТИАНСТВО

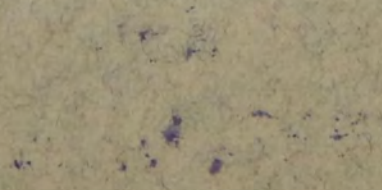
и

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

П. В. ДИЧЕСКУЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1909.

26652.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
С. С. ГОНЧАРОВУ.

~~31394.~~

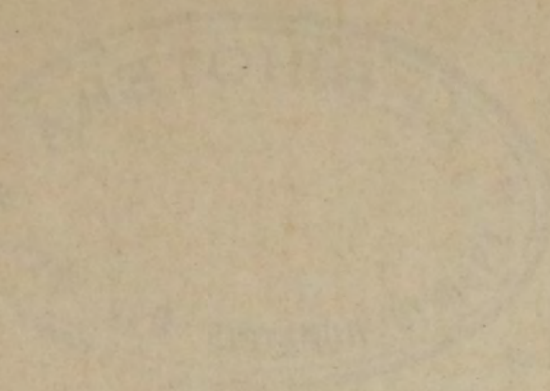
ХРИСТИАНСТВО И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

ВМѢСТО РЪЧИ.

39

Библиотека № 39 СССР

✓

1
1

84246

С. С. ГОНЧАРОВУ.

ХРИСТИАНСТВО И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

(Вмѣсто рѣчи).

Нѣсколько общихъ соображеній.

Мы часто встрѣчаемся въ области житейской дѣйствительности съ такими явленіями, фактъ существованія которыхъ не находитъ себѣ, повидимому, оправданія ни въ строгой логикѣ, ни въ данныхъ опыта. А между тѣмъ они все-таки остаются на своихъ мѣстахъ, точно всѣмъ наперекоръ, и на неотвязчивые вопросы Ваши, по какому праву они тутъ находятся, отвѣчаютъ Вамъ, ухмыляясь: „j'y suis et j'y reste“.

Чѣмъ оправдать, на примѣръ, не только существованіе карательныхъ законовъ среди человѣческаго общества, но еще и претензію всей этой уголовщины считать себя охранительницею важнѣйшихъ устоевъ этого общества? Какъ, и Вы не нашли еще нигдѣ отвѣта на Вашъ наивный вопросъ? закричатъ Вамъ со всѣхъ сторонъ. Да возьмите первый попавшійся подъ руку учебникъ Уголовнаго права

*

и Вы найдете тамъ ясный и категорическій отвѣтъ на смущающія Васъ сомнѣнія. «Карательныя мѣры, написано тамъ, служатъ обществу охраной противъ злой воли преступника, который при полной возможности выбора между добромъ и зломъ, выбралъ послѣднее, а потому и долженъ понести за свой поступокъ справедливую кару. Кара въ свою очередь удовлетворяетъ потребности челоука въ справедливости и служитъ въ то же самое время началомъ устрашающимъ, удерживающимъ слабыхъ отъ повторенія караемыхъ закономъ поступковъ. Такъ! Выводъ изъ посылокъ вѣрный. Но все-таки позвольте, г-нъ учебникъ, попросить Васъ пріостановиться на время съ выполнениемъ кары надъ преступникомъ, быть можетъ весьма тяжелой и непоправимой, смертной казни, на примѣръ, и разъяснить мнѣ сперва нѣкоторыя недоразумѣнія. Выводъ Вашъ вѣрный, но не въ немъ сомнѣніе—вѣрны ли Ваши послылки. Есть ли на самомъ дѣлѣ въ челоукѣ свободная воля, воля, независимая отъ мотивовъ, воля, способная выбирать между добромъ и зломъ только на основаніи одного о нихъ представленія. Имѣются ли затѣмъ у Васъ свѣдѣнія о томъ, въ какой зависимости находится воля по отношенію къ дѣйствующимъ на нее мотивамъ? А что если эти мо-

тивы дѣйствуютъ на волю безусловно принудительно, какъ притяженіе земли, напримѣръ, на падающій камень. Какой тутъ можетъ быть выборъ между полетомъ внизъ и полетомъ вверхъ? Выдернули изъ подъ камня подставку—лети внизъ; бросила его мощная рука работника—лети вверхъ. Неужели въ первомъ случаѣ дѣяніе камня, причинившаго паденіемъ своимъ прохожему вредъ, будетъ злымъ, а во второмъ случаѣ — добрымъ? Не проще ли будетъ допустить, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ камень дѣйствовалъ по непреодолимому принужденію, что не можетъ ему быть поставлено ни въ вину, ни въ заслугу. Конечно, при такомъ взглядѣ на вещи не будетъ мѣста сіянію святыхъ, но зато не будетъ эшафотовъ и тюремъ, а будетъ простое теченіе событій въ природѣ на основаніи законовъ причинности, не обязанное давать отчета въ своей дѣятельности суду человѣческому.

Но пусть будетъ такая теорія ошибочна, а теорія, допускающая свободу воли въ человѣкѣ, правильна—все-таки нужно сперва доказать самымъ убѣдительнымъ образомъ правильность ученія о свободной волѣ. А кто и когда доказалъ точнымъ и научнымъ образомъ правильность такого ученія? Насколько всѣмъ извѣстно, никто и никогда. Допустимъ, однако,

что злая воля есть и что не внѣшній мотивъ, а именно она сама служитъ первопричиной содѣяннаго преступленія — что же изъ этого слѣдуетъ: Неужели наказаніе? Значитъ природа опять пожалуйте на судъ человѣческой. Вѣдь статистика доказываетъ до полной очевидности, что въ извѣстные періоды времени число преступленій остается постоянно на извѣстномъ уровнѣ, несмотря ни на какія даже самыя жестокія наказанія. Слѣдовательно проявленіе злой воли приходится причислить къ такимъ же неизбѣжнымъ явленіямъ въ экономіи природы, какъ и всякія другія непріятныя для человѣка событія, какъ, на примѣръ, случайное паденіе камней съ крышъ на голову проходящихъ, удары молніи и т. д. Вѣдь разъ что причины, обусловливающія наступленіе извѣстнаго явленія, имѣются налицо, само явленіе должно и не можетъ не наступить, это кажется ясно. Но стоитъ ли тогда держать дорого стоящій судебный аппаратъ, чтобы съ его помощью наказывать камни, сваливающіеся съ крышъ на головы прохожихъ, или, что то же самое, злую волю преступника? Не проще ли будетъ предоставить природѣ ея свободное теченіе «не противиться злу» и упразднить всякіе уголовные законы.

Храни Богъ, возразятъ Вамъ. Вѣдь тогда

человѣчество утонетъ въ морѣ преступленій. Быть можетъ да, а быть можетъ и нѣтъ. А былъ ли когда нибудь произведенъ серьезный опытъ въ такомъ направленіи? Согласитесь съ тѣмъ, что а priori такихъ положеній, какъ гибель общества за отсутствіемъ уголовныхъ законовъ, доказывать нельзя—они могутъ быть доказаны только а posteriori, т. е. на основаніи опыта, а его то и нѣтъ въ наличности — гдѣ же тутъ логика?

Но если трусливое буржуазное общество не можетъ спокойно жить въ государствѣ, не чувствуя за спиной своей полиціи и тюрьмы—этихъ мнимыхъ охранителей его безопасности, то, дѣлая ему въ этомъ направленіи нѣкоторыя уступки, нельзя идти съ нимъ до конца и признать за нимъ право также и на жизнь человѣка, право на смертную казнь. Жизнь свою человѣкъ получилъ не отъ общества... и т. д. и т. д. идетъ нескончаемый рядъ доводовъ противъ смертной казни.

Просуществовавъ среди человѣческаго общества цѣлыя тысячелѣтія, безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны протестовъ, смертная казнь встрѣтила, наконецъ, около 1760-хъ годовъ рѣшительный отпоръ въ лицѣ итальянскаго криминалиста Бекарія, съ легкой руки котораго, какъ послѣ прорыва плотины водою,

полился цѣлый потокъ сочиненій, брошюръ и рѣчей, все логичнѣе и убѣдительнѣе доказывающихъ всю безнравственность, безцѣльность и юридическую несостоятельность этой мѣры наказанія. Въ противоположномъ лагерѣ не оставались, конечно, въ долгу, говорили и писали тоже очень много, и среди этой жаркой полемики выдвигаются постепенно на первый планъ вопросы этического свойства и главнымъ образомъ вопросъ о несомѣстимости смертной казни наряду съ проповѣдью Христа о любви, о всепрощеніи, о непротивленіи злу и т. д. въ законодательствахъ государствъ, именующихъ себя христіанскими.

О несоотвѣтствіи не только смертной казни, но и всѣхъ вообще уголовныхъ законовъ со строгой логикой и данными точныхъ наукъ можно, какъ мы видѣли выше, говорить много и не безъ успѣха, но только при одномъ условіи: нужно забыть отвѣтъ Іову на его многумныя размышленія: кто этотъ омрачающій Промыселъ рѣчами своими... „Гдѣ ты былъ, когда я основалъ землю“ (38).

И дѣйствительно, разумъ и законы, руководящіе и направляющіе жизнь вселенной въ ея особяхъ, были заложены туда далеко до появленія нашихъ желаній и нашего мышленія, а потому и управляютъ они вселенной въ ея

особяхъ не какъ законы и разумъ, ими сознаваемый, а какъ законы и разумъ ими несознаваемый, какъ инстинктъ, которому они неужержимо повинуются и не могутъ не повиноваться, если желаютъ жить. И въ нашей человѣческой природѣ, какъ части цѣлаго, тѣ основныя начала, которыя руководятъ возникновеніемъ и охраной, развитіемъ и исчезновеніемъ отдѣльныхъ особей общественности и государственности, лежали въ стихіяхъ міра давно до появленія этихъ особей въ конкретной формѣ, во времени и пространствѣ.

Подобно древесной корѣ, когтямъ животныхъ, рефлексамъ мимозы и наши уголовные законы и суды Линча образовались изъ одного и того же начала: изъ сознанія необходимости дать каждой особи средства и органы для самозащиты отъ враговъ и неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній. Когда, гдѣ и у кого зародилась впервые такая мысль—это намъ теперь неизвѣстно, вѣроятно за давностію лѣтъ и за неведеніемъ въ тѣ времена подробныхъ стенографическихъ отчетовъ о ходѣ мірозданія. Но съ фактомъ наличности этой мысли въ каждой живой особи намъ неизбежно приходится считаться, если мы зрячіе, а не слѣпые. Отвергать же разумъ природы за его устарѣлостью и по причинѣ лучшаго пониманія нами

вещей; предлагать замѣну его этимъ нашимъ лучшимъ пониманіемъ вещей, замѣну, напр. борьбы со зломъ „непротивленіемъ злу“ будетъ по меньшей мѣрѣ „омраченіемъ Промысла неразумными рѣчами“.

Что же касается этической стороны вопроса, то та страстность, съ которою велась полемика, способствовала лишь тому, что многія положенія за и противъ смертной казни, основанныя на томъ или другомъ пониманіи христіанства, были приняты широкими массами на вѣру безъ всякой критической ихъ оцѣнки. Поэтому, говорить въ настоящее время о совмѣстимости смертной казни съ христіанской этикой невозможно иначе, какъ не попытавшись предварительно припомнить нѣкоторыя стороны ученія Христова и того міровоззрѣнія, которое послужило какъ бы почвой и основаніемъ для отдѣльныхъ его изреченій, нравоученій, притчъ и сентенцій, но оставленныя евангелистами, да вѣроятно, и самимъ Христомъ, совершенно въ тѣни, какъ нѣчто само собою понятное или интуитивно понятное.

Если я буду при этомъ употреблять термины и выраженія болѣе знакомые намъ по современнымъ приемамъ выраженія мысли, то мнѣ кажется, что я этимъ нисколько не измѣню существа дѣла. Идя по такому пути, необхо-

димо будетъ припомнить прежде всего, какъ смотрѣлъ самъ Христось на конечную цѣль своей проповѣди между людьми, т. е. хотѣлъ ли онъ предложить человѣчеству, взамѣнъ существующаго, новый наилучшій политическій и соціальный строй, ставъ самъ царемъ и руководителемъ новыхъ водворенныхъ имъ порядковъ; хотѣлъ ли онъ предложить человѣчеству новый кодексъ абсолютно непогрѣшимой морали или же, наконецъ, онъ хотѣлъ предложить человѣчеству нѣчто совсѣмъ иное, не имѣющее ничего общаго ни съ политикой, ни съ соціологіей, ни съ философской моралью.

«Міръ сей».

„Ты Царь Іудейскій?—спросилъ Пилать подсудимаго. „Царство Мое не отъ міра сего“—отвѣчалъ Іисусъ.—Если бы было отъ міра сего, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не былъ преданъ іудеямъ, но нынѣ царство мое не отсюда». (Іоа. XVIII, 37). «...Онъ же сказалъ человѣку тому, кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?» (Лук. XII, 14). Уже эти два изреченія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Христось проводилъ рѣзкую грань между своимъ дѣломъ, своимъ царствомъ и дѣлами и царствами „міра

сего“, которыхъ Онъ не хотѣлъ ни реформировать, ни подчинять себѣ, какъ верховному судѣ и царю, ни морализировать.

Почему такъ? Вѣдь жизнь съ ея страданіями, насколько они зависятъ также и отъ соціального строя, не были чужды этому человеку, который понесъ даже лютую смерть для спасенія погибающихъ (Мат. 18, 11; Іоан. 3, 17). Почему же онъ, какъ это видно изъ всей совокупности его ученія, проходилъ безучастно мимо царствъ «міра сего» и говоритъ даже «отойдите отъ меня» (Мат. 4, 8—10).

Для отвѣта на столь серьезный вопросъ слѣдуетъ сперва уяснить себѣ, что именно понималъ Христосъ подъ словами „міръ сей“. „Міръ сей“ терминъ, который столь часто слышится въ устахъ Христа, обозначалъ для него, повидимому, тотъ космосъ, ту совокупность явленій, не исключая отсюда и человека, которая не стоитъ въ непосредственномъ общеніи съ волею Божіей, а потому находится только подъ началомъ законовъ естества: законовъ пространства и времени; причинъ и послѣдствій; телеологіи и механики и т. д.

Но что или кто находится подъ вліяніемъ и властнымъ директивомъ этихъ законовъ? Очевидно то, что существуетъ, что хочетъ существовать, и что имѣетъ въ себѣ достаточно

энергіи для существованія, ибо безъ этой энергіи, для субъекта ея должно наступить въ ряду явленій природы полное небытіе. Эта жизненная энергія есть свойство всего живущаго, свойство всѣхъ жизненныхъ особей, заселяющихъ вселенную, и выражается ими однимъ общимъ признакомъ: жаждой собственнаго бытія, жаждой жизни. Отсюда неумолимый законъ борьбы за существованіе во всѣхъ ея родахъ и видахъ. Вражда противъ всего, что угрожаетъ существованію особи и алчность ко всему, что можетъ способствовать ея благополучію, война на два фронта—оборонительная и наступательная.

Такой корень жизни—эгоистиченъ, и потому рефлексъ его на все окружающее, какъ это намъ извѣстно изъ нашей собственной человѣческой природы, носитъ характеръ злобы (Мат. 15, 19; Мар. 7, 21—23; Рим. 1, 24—32; Бытіе 6, 5).

Предоставленный только этому эгоистическому началу, „міръ сей“ давно покончилъ бы свое существованіе въ безконечной и безцѣльной злобѣ и самоистребленіи.

Но эта злоба, не находящая въ себѣ самой достаточныхъ основаній къ самоограниченію, встрѣчаетъ энергическій коррективъ въ телеологии природы, т. е. законъ, по которому все

жаждующее существовать должно разумно выбирать пути и средства, наилучше обеспечивающие это существование. Этотъ практическій, цѣлесообразующій разумъ, которому всѣ жизненные особи вселенной должны подчиниться во избѣжаніе возвращенія ея къ хаосу, остается для нихъ самихъ совершенно не сознаннымъ, остается въ нихъ на степени простого инстинкта.

Согласно велѣніямъ этого пракческаго разума, злое начало каждой отдѣльной особи должно или обуздывать себя добровольно, по разнымъ практическимъ соображеніямъ, или же оно должно быть обуздано внѣшнимъ насильственнымъ образомъ, со стороны такихъ же особей, существованію которыхъ оно угрожаетъ.

Какъ существо болѣе одаренное и въ значительной степени уже независимое отъ инстинктивнаго пракческаго разума, человѣкъ способенъ и зло проявлять въ высшей его мѣрѣ: зло ради самого зла, и находить даже въ томъ удовольствіе. Здѣсь, въ этомъ отдѣлѣ природы, въ человѣческой ея колоніи, начинается новая страница борьбы за существованіе, сперва борьбы инстинктивной, а затѣмъ и вполне сознательной, борьбы со зломъ волею человѣка, сознательно направленной въ сторону себѣ же подобнаго существа.

Но чѣмъ же бороться противъ такого зла и противъ такой злой воли? Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ злымъ рефлексомъ пострадавшей особи, носящимъ въ этомъ случаѣ специальное названіе инстинкта или чувства мести.

Злой по природѣ своей негодуетъ на злого по природѣ своей, не потому что онъ таковъ, а потому что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ непротивленіи своему нраву и преступилъ черту благоразумія.—Какое *testimonium paupertatis* и сознание немоци зла построить что-либо вѣчное и прочное на зломъ началѣ!

Тѣмъ не менѣе безъ этого негодованія и безъ этой борьбы немислимо существованіе ни общества, ни отдѣльныхъ его членовъ. Только благодаря чувству мести, рефлексу особи на испытанное ею зло, впервые была признана человекомъ необходимость болѣе прочно и систематически построить людскія отношенія на началахъ права и справедливости, т. е. признана была необходимость ввести въ свою очередь чувство мести въ разумныя и цѣлесообразныя границы и нормы, что всегда составляло и составляетъ содержаніе всякихъ уголовныхъ и гражданскихъ кодексовъ.

На основаніи этого мудраго подчиненія эгоизма и зла, не находящихъ границъ въ самихъ себѣ, практическому и цѣлесообразяю-

щему разуму, стали возможны союзы людей сперва на почвѣ нравовъ и обычаевъ, а затѣмъ и въ болѣе сознательныхъ формахъ въ сложныхъ государственныхъ организмахъ; стала возможной культура и сталъ возможенъ тотъ досугъ, гдѣ человекъ, свободный отъ опасеній за каждую минуту своего существованія, могъ, наконецъ, задуматься и надъ конечной цѣлью своего бытія. Но всѣ эти земныя блага, не слѣдуетъ никогда забывать объ этомъ, стали возможны лишь въ силу неусыпной борьбы со злою волею, а потому и эмблема государственной власти останется навсегда та, которую ей далъ народъ, всѣхъ болѣе потрудившійся надъ идеями о государствѣ, о правѣ и справедливости—эмблема пучка палокъ съ топоромъ. Эмблема, обозначающая тотъ порядокъ вещей, гдѣ эгоизмъ, необходимое условіе существованія всякой особи, а въ особенности человѣческой, уравновѣшенъ принудительнымъ и цѣлесообразующимъ разумомъ, согласно съ правомъ, справедливостью и пользой всѣхъ и каждаго.

Таковъ „міръ сей“. Міръ до безконечности разнообразный и сложный въ своихъ явленіяхъ, но не сложный въ основныхъ элементахъ своихъ. Міръ закономерный, гдѣ точно въ калейдоскопѣ, малѣйшее передвиженіе не-

многихъ цвѣтныхъ камушковъ, образуетъ цѣ-
 лья серіи дивныхъ узоровъ все по строго опре-
 дѣленнымъ математическимъ, механическимъ
 причинамъ и другимъ законамъ; міръ, равно-
 вѣсіе котораго обезпечивается борьбою зла со
 зломъ ради собственныхъ выгодъ; міръ, по-
 строенный на эгоизмѣ особи, не признающей
 другой воли, кромѣ своей собственной, а по-
 тому составляющей, по выраженію Христа, ту
 внѣшнюю тьму, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ
 (Мат. 22, 13; 25, 30).

842мъ
 Пусть такъ. Пусть не лучшій изъ міровъ,
 но зато единственно достовѣрный, живой и
 реальный, а не воображаемый и потому един-
 ственно возможный.

Къ сожалѣнію или нѣтъ, но не совсѣмъ
 такъ. Единственно неоспоримо достовѣрный
 фактъ изъ «міра сего» для существа мысля-
 щаго и сознающаго себя:—это само живущее
 и сознающее себя существо. Но реальность
 представленій о всемъ томъ, что находится
 внѣ его самого, весьма проблематична. Гдѣ же
 тогда эта реальность и достовѣрность внѣш-
 няго міра? «Въ тѣлѣ или внѣ тѣла?—Богъ
 знаетъ» приходится сказать съ апостоломъ
 Павломъ (Кор. 11, 12, 3).

«Царство Божіе».

Теперь у мѣста будетъ возвратиться на минуту къ вышевысказанной мысли о томъ, что Христосъ отнесся совершенно безучастно къ судьбамъ «міра сего» и къ царящимъ въ немъ порядкамъ. Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что лично онъ дѣйствительно не желалъ принимать въ судьбахъ этихъ ни малѣйшаго участія.—Но его ученіе? Не должно ли оно даже наперекоръ личнымъ вкусамъ его основателя проникнуть во всѣ тайники жизни «міра сего», поднять нравственный уровень массъ и стать, такимъ образомъ, базой и мѣриломъ правовыхъ, соціальныхъ, государственныхъ и другихъ отношеній между людьми?

Въ наше время вопросы эти важны еще и потому, что въ такъ называемомъ христіанскомъ мірѣ уже давно стало преобладать стремленіе къ христіанству практическому, т. е. стремленіе, отдѣляя элементы догматическіе и мистическіе, сгруппировавшіеся со временемъ вокругъ личности Христа отъ высоко-нравственныхъ сторонъ его ученія; отдѣляя затѣмъ изъ послѣднихъ возможное отъ трудно исполнимаго, дать массамъ и формамъ ея общежитія хотя бы то, что возможно въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Лозунги вродѣ «че-

ловѣколюбіе», «міролюбіе», «непротівленіе злу», «всепрощеніе», «не судить» и другіе подобныя, выдернутыя изъ Евангелія безъ всякой связи съ основной мыслью Христа, оказались для подобныхъ стремленій самыми подходящими и стали основаніемъ для весьма разнообразныхъ псевдорелигіозныхъ и псевдонравственныхъ теорій практическаго христіанства. Въ результатѣ отъ броженія подобныхъ религіозно-сентиментально и морально практическихъ идей получилась религія безъ Бога, христіанство безъ Христа, буддизмъ безъ Нирваны и языческая мораль безъ оригинальной философской мысли.

Отдѣлять въ интересахъ научной критики личность Христа отъ элементовъ догматическихъ и мистическихъ, исторически образовавшихся, конечно, можно. Но отдѣлять личность Христа отъ основной мысли его ученія, дробить послѣднее на такіе фрагменты, которые удобны для нашихъ теорій, немислимо, ибо Христось и его ученіе—это одно цѣлое. „Я есмь путь, истина и животъ“.

А потому, если Христось не желалъ принимать участія въ дѣлахъ „міра сего“, то незачѣмъ поправлять его кажущуюся намъ ошибку обломками изъ его же ученія.

Иго Христово нужно взять на ремена свои цѣликомъ и слѣдовать по мѣрѣ силъ своихъ

его путями, или же ига этого вовсе не слѣдуетъ дотрагиваться, пройдя мимо его и слѣдуя путями «міра сего». Ибо «міръ сей» есть міръ премудрый (Кор. I, 1, 21), зданіе дивно, приноровленное, правда, къ бытію конечному, эгоистичному и злему, но міръ, вмѣщающій въ себѣ всѣ необходимыя элементы для своего усовершенствованія, устройства, переустройства и прогресса. Пути же Христовы ведутъ не обратно въ «міръ сей», а въ царство Божіе.

Но что можемъ мы подразумѣвать подъ словами „Царство Божіе“ или вѣрнѣе какое можемъ мы составить себѣ о немъ объективное и наглядное представленіе? Идея о Богѣ и о всемъ божественномъ заключаетъ въ себѣ атрибутъ безконечности, а безконечность въ рамки конечныя не вмѣщается, какъ не вмѣщается въ часть точно ограниченнаго пространства, въ 2 верш. напримѣръ, все то пространство, которое лежитъ по обѣ стороны границъ этихъ двухъ вершковъ. Тѣмъ не менѣе это безпредѣльное пространство по обѣ стороны границъ 2-хъ вершковъ несомнѣнно существуетъ или должно существовать по категоріи нашего разума, такъ что и определенное представленіе о двухъ вершкахъ стало возможно лишь въ силу произвольнаго обозна-

ченія на фонѣ безпредѣльности линіи извѣстныхъ размѣровъ. Къ той же категоріи нашего разума о безпредѣльности пространства мы можемъ дойти и путемъ эмпирическимъ, расширяя или сокращая нашу линію до того момента, когда принуждены будемъ поставить мысленно знакъ безконечности. Поэтому, если мы о безконечныхъ божественныхъ атрибутахъ не въ силахъ составить себѣ объективнаго и конкретнаго представленія, благодаря ограниченности нашего интеллекта, то все-таки абстрактно мыслить о нихъ мы можемъ, заключая отъ условнаго къ безусловному, отъ ограниченаго къ безграничному, отъ проходящаго къ вѣчному, отъ точно опредѣленныхъ понятій къ противоположному ихъ значенію или отрицанію и т. д. Поэтому мы можемъ абстрактно мыслить о Царствѣ Божіемъ такъ:

Въ „мірѣ семъ“ все конечно. Все становится причастнымъ безконечности въ Царствѣ Божіемъ.

Всѣ проявленія жизни въ „мірѣ семъ“ подчинены законамъ, безусловно принудительнымъ—жизнь свободна въ царствіи Божіемъ отъ всякихъ принужденій.

Въ „мірѣ семъ“ жизнь каждой особи охраняется ея собственной энергіей и борьбой за существованіе, т. е. другими словами суще-

ствование особи построено на эгоизмъ и на злобъ—въ царствѣ Божіемъ существованіе особи построено на альтруизмѣ и согласіи (гармоніи).

Не находя въ самомъ себѣ достаточныхъ задержекъ, эгоизмъ особи, встрѣчаясь съ эгоизмомъ другихъ особей, нарушаетъ ихъ одинаковыя права на существованіе и тѣмъ совершаетъ преступленіе, которое по инстинкту самосохраненія и справедливости должно быть караемо или равнымъ зломъ, или его эквивалентомъ—въ царствѣ Божіемъ особь ограничила себя альтруизмомъ и преступленія совершать не можетъ.

Панта рай „въ мірѣ семъ“. Все несется куда то, какъ въ бурномъ потокѣ и покоя въ немъ нѣтъ—въ царствѣ Божіемъ каждая особь нашла свою точку опоры и покоя.

Жажда познаній, та жажда, ради которой человекъ отдалъ когда то рай, до нельзя затруднена въ „мірѣ семъ“ тѣми аппаратами, посредствомъ которыхъ мы стараемся познать что либо, аппаратами нашихъ пяти чувствъ, нашей логики и нашей рѣчи—въ царствѣ Божіемъ истина созерцается непосредственно, лицомъ къ лицу (Кор. 13, 12).

Можно очень долго продолжать подобное сопоставленіе и противуположеніе, но я ду-

маю, что и приведенныхъ совершенно достаточно для того, чтобы понять всю несоразмѣримую разницу между „міромъ симъ“ и „міромъ Божиимъ“. Они настолько между собою противоположны и несходны, что наше человѣческое воображеніе всегда невольно размѣщало и размѣщаетъ ихъ въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ вселенной—одинъ на землѣ, а другой гдѣ-то на небѣ и въ двухъ противоположныхъ концахъ времени—одинъ въ настоящемъ, а другой въ отдаленномъ и туманномъ будущемъ времени.

Тѣмъ не менѣе категорически спрошенный о томъ, гдѣ и когда настанетъ царство Божіе, т. е. тотъ порядокъ вещей, который такъ не похожъ на настоящій, нами переживаемый, Христосъ столь же категорически отвѣтилъ, что царство Божіе не придетъ извнѣ или изъ далекаго будущаго, такъ какъ оно всегда было и есть внутри насъ самихъ, въ нашемъ душевномъ укладѣ, въ которомъ, слѣдовательно, сокрыта не только возможность, но и реальность двухъ различныхъ міровъ и двухъ различныхъ порядковъ вещей (Лук. 17, 20—21; Второз. 30, 14).

Царство Божіе лежитъ въ душѣ нашей, какъ въ горчичномъ зернѣ большое растеніе съ его стволемъ, вѣтвями и листьями, но ко-

торое нужно сперва посадить въ землю (Мар. 4, 31—32), т. е. нуженъ актъ воли нашей, то „усиліе“ (Лук. 16, 16,) безъ котораго царство Божіе невозможно, такъ какъ оно не дается насиліемъ.

Откуда, однако, почерпнуть энергію для подобнаго „усилія“, предполагающаго борьбу внутри насъ самихъ, борьбу иногда весьма болѣзненную и тяжелую.

„Изъ благовѣсти“ отвѣчаетъ Христось (Лук. 16, 16).

Изъ благовѣсти, которая, какъ дуновеніе весенняго вѣтерка, пробуждаетъ насъ отъ глубокой дремоты; какъ искра, попавшая въ горючій матеріаль, зажигаетъ тамъ великій пожаръ, или какъ малая толика закваски, попавшая въ тѣсто, заквашиваетъ и перерождаетъ всю массу его (Матѣ. 13, 33), т. е. весь міръ, начиная съ человѣка и кончая всей тварью (Рим. 8, 19—23). Итакъ, „закваска“ т. е. перерожденіе изъ прежняго тѣста въ новое, изъ прежняго человѣка въ новаго (Іоан. 3, 8)—вотъ первый шагъ на пути къ другому міру и новой гражданственности на пути къ царству Божію.

Но въ чемъ состоитъ это перерожденіе и гдѣ его исходный пунктъ? Въ самомъ корнѣ жизни: въ отреченіи отъ краеугольнаго камня

„міра сего,“ отъ мнимой независимости и равнобожественности воли нашей и въ подчиненіи ея волѣ Божіей. Одно движеніе души, одно вырвавшееся изъ глубины ея въ минуту тяжкихъ сомнѣній „да будетъ воля Твоя“, и путь къ безконечному найденъ и перерожденіе наше стало возможнымъ.

Безъ этого перваго шага, этого перваго волевого движенія въ сторону царства Божія, царство Божіе остается планомъ, абстрактной концепціей, доступной, пожалуй разуму, какъ абстрактная формула, но концепціей безжизненной и безсодержательной, ибо живой и содержательной она становится не въ мѣру нашего о ней мышленія, а въ мѣру нашего о ней „усилія“ (Лук. 16, 16), т. е. въ мѣру нашего живого волевого къ ней отношенія.

Въ этомъ первомъ зачаткѣ подчиненія воли нашей волѣ Божіей лежитъ начало перехода отъ эгоизма основъ „міра сего“ къ альтруизму — основъ Царства Божія и въ этомъ переходѣ и заключается наше перерожденіе.

Путь, по которому идетъ это перерожденіе, смотря по имѣющимся у насъ „талантамъ“, болѣе или менѣе долгій, болѣе или менѣе тернистый, но путь, неизмѣнно ведущій къ источнику жизни, безконечности и альтруизму

(любви)—въ противоположность другому пути, удаляющемуся отъ этого источника и потому ведущаго къ конечности, эгоизму и злобѣ.

**Положеніе христіанина по
отношенію къ „міру сему“
и царству Божію.**

Все вышесказанное невольно наводитъ насъ на размышленіе о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собой могутъ или должны находиться эти два міра, если представлять ихъ себѣ, какъ объекты, гдѣ-то внѣ насъ лежащіе: во враждебныхъ или дружественныхъ; другъ друга исключających или друга друга пополняющихъ?

Подъ словомъ „міръ“ мы подразумѣваемъ не груду явленій или хаосъ, а X явленій, связанныхъ воедино тѣми или другими руководящими началами. И если допустить, что въ двухъ группахъ явленій между ихъ руководящими началами имѣется хотя бы одно такое, которое присуще одной группѣ и чуждо другой, то само собой разумѣется, что и весь внутренній строй этихъ двухъ группъ будетъ совершенно другъ другу чуждъ. Поэтому каждая изъ группъ подобныхъ явленій со многими или нѣкоторыми несходными основными

началами должны жить, развиваться и строиться по даннымъ, лежащимъ только въ основѣ каждой изъ нихъ, и по размѣрамъ и масштабамъ, имъ каждой въ отдѣльности присущимъ.

Руководящія основы и начала „міра сего“ отдѣлены отъ руководящихъ основъ и началъ Царства Божія непроходимой пропастью противоположностей и несоразмѣрностей. Поэтому міры эти не могутъ относиться другъ къ другу ни враждебно, ни дружелюбно, а только вполнѣ индифферентно, причемъ архитектурные масштабы одного изъ нихъ не могутъ служить для строительства другого и наоборотъ.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ находится субъектъ жизни, особь, по отношенію къ этимъ двумъ мірамъ. Его энергія жизни, его личность, какъ выразитель этой энергіи, есть тотъ матеріаль, изъ котораго строится, какъ „міръ сей“, такъ и „міръ Божій“.

Рождаясь въ „мірѣ семъ“ безъ нашего на то согласія и вѣдома, мы застаемъ его уже вполнѣ устроеннымъ по извѣстному шаблону и въ силу акта рожденія мы становимся его полноправными гражданами, т. е. получаемъ право, оставаясь конечными, эгоистичными и злыми, вести борьбу за свое существованіе, чѣмъ хитрѣе и успѣшнѣе, тѣмъ лучше, но до извѣстныхъ предѣловъ; до признанія явной для

себя невыгоды быть излишне злымъ или же до перехода злобы въ преступленіе, за что полагается мечь.

Въ такія рамки „міра сего“ не умѣстился, повидимому, весь человекъ, со всѣми его душевными качествами и способностями и между прочимъ съ его способностью къ самосознанію, къ объективной критикѣ и оцѣнкѣ вещей, не только съ точки зрѣнія „міра сего“, т. е. съ точки зрѣнія собственной выгоды, но и съ другихъ точекъ зрѣнія. Такая критика и оцѣнка вещей съ иныхъ точекъ зрѣнія не разъ приводила въ большое смущеніе совѣсть человека и заставляла его сильно сомнѣваться въ доброкачественности основъ „міра сего“. Эти сомнѣнія и разочарованія въ „міръ семъ“ достигли своего кульминаціоннаго пункта въ ученіи Будды, который предложилъ существу мыслящему и сознающему себя, во избѣжаніе нескончаемыхъ повтореній и возобновленій индивидуальной жизни, конечной, эгоистичной и злой—Нирвану, т. е. абсолютное небытіе, абсолютную смерть.

Но вотъ до слуха имѣющихъ уши, чтобы слышать, донеслась благовѣсть о Царствіи Божіемъ и о томъ, что индивидуальная жизнь есть драгоцѣннѣйшій даръ Божій, который не только что не слѣдуетъ сознательно

зарывать въ пучину небытія и смерти, но который должно и возможно продлить до безконечности въ иныхъ божественныхъ условіяхъ. Для тѣхъ, у которыхъ благовѣсть эта осталась въ ушахъ и пала тамъ какъ сѣмя на добрую почву, могъ и можетъ наступить роковой вопросъ: возможно ли, оставаясь членомъ „міра сего“, налаженномъ и приспособленномъ къ конечности, эгоизму и злобѣ, стремиться къ иному порядку вещей, къ Царству Божію, и если возможно, то что въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ дѣлать и какъ поступать съ собою? Оставить ли „міръ сей“ и бѣжать отъ него на край свѣта; вступить ли съ нимъ въ непримиримую борьбу или же, наконецъ, найти къ царству Божію какой либо иной окольный путь.

Такой вопросъ былъ поставленъ уже Іоанну Крестителю въ совершенно опредѣленной и сознатальной формѣ мытарями и воинами (Лук. 3, 12—14).

И какой отвѣтъ далъ Іоаннъ Креститель.

Слѣдуетъ оставаться мытарями и воинами—значить не бѣжать изъ міра сего и не ссориться съ нимъ, но, въ виду достиженія Царства Божія, слѣдуетъ выполнять свои обязанности по отношенію къ нему честно.

Таковъ, если не дословный, то по смыслу

своему совершенно вѣрно передаваемый отвѣтъ Іоанна Крестителя.

Если допустить, что и „многое другое“, чему училъ Іоаннъ Креститель (Мат. 3, 18), не противорѣчитъ сказанному мытарямъ и воинамъ, то слѣдуетъ думать, что совѣтъ его честно отнынѣ выполнять свои обязанности относился не только ко всѣмъ остальнымъ представителямъ власти въ „мірѣ семъ“, но рассматривался имъ, какъ правило земной жизни человѣка, ищущаго Царства Божія.

Честность есть несомнѣнно весьма похвальная черта въ человѣкѣ, но къ сожалѣнію она совершенно не пригодна въ строительствѣ „міра сего“. Нельзя, напримѣръ, военачальнику идти на войну, рассчитывая на честное выполненіе воинами ихъ тяжелыхъ обязанностей, или посылать мытарей собирать подати единственно въ расчетъ на то, что честь заставитъ ихъ принести все до копѣйки въ кассу правителя. Поэтому хорошій военачальникъ долженъ до выхода на войну ввести въ свое войско примѣрную дисциплину, т. е. такой порядокъ вещей, при которомъ каждому воину будетъ выгодно слушать не себя, а свое начальство, что достигается мѣрами суровыми и непреклонной волей послѣдняго; хорошій правитель долженъ ввести сперва строгій контроль и бди-

тельный надзоръ за своими мытарями съ со-
отвѣтствующими суровыми взысканіями за ихъ
нарушеніе и потомъ уже посылать мытарей
взимать подати; хорошее государство должно
также поступать относительно всѣхъ своихъ
подданныхъ, должно устанавливать мудрые за-
коны и строго и неуклонно слѣдить за ихъ
выполненіемъ.

Разумное строительство „міра сего“ должно
принимать въ расчетъ и ставить во главу
угла не величину возможную, а величину ре-
альную съ точно опредѣленными размѣрами и
свойствами, а такой величиной фактически
является въ „мірѣ семъ“ личность эгоистич-
ная, конечная и злая, а не личность честная.
Честность же уже является отрицаніемъ эгоизма.

Вполнѣ соглашаясь съ наличностью такой
фактической стороны дѣла, благовѣсть о цар-
ствіи Божіемъ тоже полагаетъ, что изъ такихъ
реальныхъ данныхъ нельзя вырастить поряд-
ковъ и отношеній вѣчныхъ, мирныхъ, гармо-
ничныхъ и т. д. (Мат. 7, 16), словомъ міра
безъ лжи, страданій и смерти; міра безъ плача
и скрежета зубовъ. Но въ то же самое время
„благовѣсть“ допускаетъ, что однимъ атрибу-
томъ эгоизма далеко не исчерпывается свой-
ство жизненной энергіи особи и способность
ея проявлять себя и въ другихъ формахъ и

свойствахъ, между прочимъ и въ такихъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ божественнымъ атрибутамъ альтруизма, гармоніи, безконечности.

Но для приспособленія себя, къ послѣднимъ нужны „усилія“ воли и неусыпная борьба со зломъ, но не внѣ себя по чувству охраненія себя отъ чужой злой воли — принципу „міра сего“, а борьба въ самомъ себѣ съ собственнымъ эгоизмомъ и собственной злой волей.

Это коренное различіе не только въ оцѣнкѣ зла, но и въ мотивахъ къ борьбѣ съ нимъ, даетъ возможность христіанину жить въ полномъ согласіи со всей внѣшней организаціей „міра сего“ и его государства, его общества и его законовъ. Ибо намѣренія этихъ организацій и законовъ всегда бываютъ самыя лучшія, стремятся къ благимъ цѣлямъ и борются со зломъ настолько, насколько пониманіе зла имъ доступно, т. е. они борются не со зломъ, какъ съ таковымъ, а съ излишествами, въ его проявленіяхъ, излишествами угрожающими существованію общества и государства. Противъ законовъ съ такими намѣреніями христіанину не только-что не приходится бороться, но напротивъ того, онъ долженъ добровольно предупредить эти намѣренія, исполняя ихъ подѣ часъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, нежели сколько они требуютъ (Мат. 17, 27). Онъ дол-

женъ, памятуя завѣты Христа, не только соблюсти законы и требованія „міра сего“, но онъ долженъ соблюсти ихъ честно, усматривая въ честности этой свою первую побѣду надъ собственнымъ эгоизмомъ; онъ долженъ, сохраняя сердце свое открытымъ для истинной любви (Кор. 13), быть храбрымъ рыцаремъ на полѣ брани всегда готовымъ жертвовать своею жизнью въ борьбѣ со зломъ. Какъ мытарь онъ долженъ до послѣдней драхмы взыскать и внести правителю подать, но лично не быть слугою мамонѣ; онъ долженъ быть справедливымъ судьей, сурово мстящемъ за чужую обиду, но охотно прощающимъ всякую свою личную обиду; вѣрнымъ рабомъ по законамъ своего Государства и наставникомъ своего господина въ духовной свободѣ; на тронѣ повѣлителемъ народовъ и рабомъ Христа въ душѣ.

Такова первая стадія пути, ведущаго христіанина къ границѣ двухъ міровъ, одинаково для него возможныхъ, какъ міровъ, одинаково коренящихся въ его душевномъ укладѣ. Ничто не мѣшаетъ за тѣмъ христіанину идти далѣе тѣмъ-же путемъ, внутренней борьбы и перерожденія, все болѣе приближаясь къ одному Царству и удаляясь отъ другого, до того момента когда въ немъ наступитъ полная побѣда добра надъ зломъ (откров. 21, 7).

Заключеніе.

Все сказанное я постараюсь теперь суммировать въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ, для наглядности и для облегченія выводовъ.

1) „Міръ сей“ есть сложное выраженіе взаимодействія зонъ жизненныхъ особей, отвоевывающихъ въ неусыпной и жестокой борьбѣ не только свое собственное существованіе, но и возможность продленія жизни въ такихъ же конечныхъ эгоистичныхъ особяхъ, только въ иной формѣ и оболочкѣ. Міръ, существующій самъ для себя и носящій въ себѣ самомъ всѣ необходимыя условія для своего устройства, переустройства и прогресса; міръ, не признающій другой воли, кромѣ своей собственной, но фактически состоящій въ узахъ законовъ естества и эгоизма.

2) Царство Божіе, наоборотъ, есть міръ, признавшій свою зависимость отъ другой воли и въ ней обрѣвшій свободу отъ законовъ естества, свою вѣчность и безконечность.

3) Объектъ этихъ двухъ царствъ есть та же жизненная энергія особи, малая эмонація Божества, но состоящая къ нимъ въ отношеніяхъ діаметрально между собою противоположныхъ.

4) Сообразно съ общимъ строеніемъ „міра сего“ и органы нашего познанія, наши пять чувствъ и наша логика, приспособлены къ систематизированію, ясному и наглядному пониманію только всего конечнаго, механическаго, причиннаго, цѣлесообразнаго и т. д. Но такого рода познанія далеко не утоляютъ жажды познанія абсолютныхъ и вѣчныхъ истинъ, жажды того существа, Божественная природа котораго заложена безконечно шире узкихъ рамокъ „міра сего“. Поэтому, слѣдуя тайному голосу этой природы своей, наша пытливая мысль все-таки неудержимо стремится понять доселѣ непонятное, но средствами вполне къ тому негодными. Постоянно увеличивая въ погонѣ за абсолютной истиной только номенклатуру и детальное объясненіе матеріальныхъ процессовъ вселенной, весьма полезныхъ съ практической стороны, она нагромождаетъ невѣроятные ворохи разныхъ свѣдѣній, оставаясь при томъ же тускломъ и гадательномъ стеклѣ (Кор. 13, 12), сквозь которое эта мысль смотрѣла прежде, смотритъ и теперь на конечныя цѣли міра и всего живущаго въ немъ. Въ самыхъ хорошихъ и похвальныхъ намѣреніяхъ мысль эта хлопочетъ о „многомъ, какъ Марѳа, тогда какъ тутъ нужно только „одно“, то, къ чему стремилась Марія, и это

„одно“ есть просвѣтленіе духа, которое можно найти только у ногъ Спасителя (Лук. 10, 41—42).

5) Съ проповѣдью своею о царствѣ Божіемъ Христосъ и не обращался къ суду и оцѣнкѣ именно такой познавательной способности существа мыслящаго. Онъ пользовался ею, какъ однимъ изъ средствъ для болѣе глубокаго проникновенія въ душу слушателя, но не больше. Поэтому, проповѣдь его не носитъ характеръ книжный или научный (фарисейскій), а была и есть проповѣдью „власть имущаго“ (Мат. 7, 29; Кор. 1, 2, 4—5), т. е. непосредственнымъ воздѣйствіемъ, и, если могутъ такъ выразиться, непосредственной передачей другой душѣ колебаній собственной душевной энергіей, подобно звуку или огню, воздѣйствіемъ на самый корень жизни, на волю и совѣсть слушателя.

6) Отсюда ясно, что христіанство не есть сумма извѣстныхъ научныхъ, нравственныхъ или философскихъ положеній, а есть извѣстное душевное состояніе, внутренній процессъ перерожденія энергіи жизненной особи въ иныя формы бытія (Кор. 1, 15, 51—56), далеко не тождественныя съ тѣми, въ которыхъ она проявляется въ „мірѣ семъ“. Процессъ этотъ родился не изъ матеріальныхъ и механическихъ

условіи жизни „міра сего“, и не изъ человѣческой мудрости, а изъ безконечныхъ глубинъ жизненной энергіи, способной откликнуться и на призывъ „благовѣсти“. Не отрицая дивной премудрости въ строеніи „міра сего“, не отрицая далѣе необходимости сознательно подчиниться его законамъ, исполняя ихъ не только по буквѣ, но и по намѣренію, не только за страхъ, но и за совѣсть,—христіанинъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что „міръ сей“ лежитъ во злѣ, лжи, плачѣ и скрежетѣ зубовъ.

Если таковы въ общихъ чертахъ представленія христіанъ о „мірѣ семъ“, представленія, мимоходомъ будь сказано, совершенно соотвѣтствующія дѣйствительности, и если затѣмъ таковы въ общихъ чертахъ сами вѣрованія и представленія христіанъ о Царствѣ Божіемъ, то спрашивается, совмѣстима или несовмѣстима смертная казнь на ряду съ проповѣдью Христа о любви къ ближнему, о всепрощеніи, о непротивленіи злу и т. д. въ тѣхъ государствахъ и обществахъ, которыя именуютъ себя христіанскими.

Уже сама по себѣ такая постановка вопроса предполагаетъ доказаннымъ такой тезисъ, который далеко не доказанъ и который нужно было доказать прежде всего. Въ связи идей, лежащихъ въ основѣ вопроса, считается, по-

видимому, безспорнымъ то положеніе, что христіанство и государство состоятъ между собою въ такой тѣсной органической связи, при наличности которой ихъ жизненная функція должна другъ на друга вліять, другъ друга направлять и другъ друга контролировать.

Между тѣмъ ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого предположенія.

Правда, въ историческомъ развитіи религиозныхъ взглядовъ было не мало мыслителей, полагавшихъ, что только при такой тѣсной связи между христіанствомъ и государствомъ торжество моральной силы надъ физической и духовнаго начала надъ матеріальнымъ можетъ быть вполнѣ обезпечено.

Но правда также, что такая тѣсная связь между христіанствомъ и государствомъ была въ началѣ христіанской эры предложена самому Христу и что онъ отвергъ ее самымъ рѣшительнымъ образомъ (Мат. 4,8—10).

Ни христіанскаго государства, ни государственнаго христіанства.

Тѣмъ не менѣе, если государство и христіанство, какъ феномены одной и той же жизненной энергіи, обречены на совмѣстное пребываніе въ пространствѣ и времени, то такое ихъ совмѣстное сожителство и при

томъ мирное, возможно лишь при условіи со стороны христіанства честно отдавать каждому свое: кесарево Кесарю, Божіе Богу, отнюдь не смѣшивая понятія объ одномъ съ понятіями о другомъ и это въ интересахъ какъ правильнаго теченія жизни „міра сего“, такъ и въ интересахъ успѣшнаго роста христіанской идеи.

Поэтому не только вопросъ о смертной казни, но и всѣ вообще вопросы изъ области соціальнаго и государственнаго строя „міра сего“ должны быть разрѣшаемы въ строгомъ согласіи и гармоніи съ тѣми началами, на которыхъ зиждется „міръ сей“. Они должны, на примѣръ, утверждаться на инстинктахъ само-сохраненія общества, государства и частныхъ лицъ; они должны утверждаться на естественныхъ требованіяхъ человѣческой природы, возмездія и справедливости, когда ея права нарушены; они должны утверждаться на естественныхъ стремленіяхъ человѣческой природы къ матеріальному благополучію, пользамъ и нуждамъ частнымъ и общимъ и т. д.

Но на такія рѣшенія и на такое законодательство христіанскій идеалъ, христіанская этика и христіанское міровоззрѣніе не должны и не могутъ оказывать ни прямого, ни косвеннаго вліянія. Не должны и не могутъ уже

потому, что по христіанскому сознанію „весь міръ“ — съ его корнями и плодами — лежитъ „во злѣ“ (Іоан. 1,5,19), вслѣдствіе чего живѣйшія пожеланія и надежды христіанъ должны быть направлены къ его полному упраздненію, перерожденію и замѣнѣ новымъ порядкомъ вещей, гдѣ Богъ будетъ все—во всемъ (Кор. 1,15,24—28).

Но въ „міръ семъ“, лежащемъ во времени и пространствѣ, такой идеаль достижимъ до времени лишь отчасти, т. е. для каждаго христіанина въ отдѣльности, въ мѣру его противленія злу, лежащаго въ немъ самомъ, и въ мѣру его усилій воцарить надъ собственной волей волю Божію.

Въ заключеніе не могу не остановиться еще на одномъ соображеніи. Существованіе, какъ христіанства, такъ и „міра сего“ и его государства, немыслимо безъ борьбы со зломъ. Исходя изъ какихъ точекъ зрѣнія на зло, по какимъ мотивамъ, для какихъ конечныхъ цѣлей и какими средствами вести эту борьбу — это вопросы особаго разряда, тѣсно связанные съ руководящими началами какъ одного, такъ и другого міра. Но зло, истекающее изъ одного и того же источника, изъ эгоизма особи, остается для нихъ зломъ, которому всемірно слѣдуетъ противиться, одному по эгоистиче-